Тревожная
весна 45-го

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Стальная память

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.
С91 Стальная память / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-175703-8

Объявившаяся после войны в одном из городов Поволжья банда поразила население своей жестокостью. Преступники не только грабили и убивали мирных граждан, они оставляли после каждого «дела» «фирменный знак» – выкалывали жертвам глаза. Специально созданная оперативная группа майора Виталия Щелкунова, охотившаяся за извергами, считала эту выходку самоуверенной наглостью отморозков. И только один участник банды вкладывал в эту расправу всю свою ненависть к Советской власти, копившуюся у него долгие годы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175703-8

© Сухов Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1
УБИЙСТВО В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

За стенкой неожиданно и громко зазвучал расстроенный баян, а затем мужской голос с хрипотцой запел:

Раскинулось море широко,
и волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
подальше от нашей земли...

В тишине раннего утра зазвучавшие из комнаты номер одиннадцать звуки были настолько громкими, что наверняка их услышал весь барак. В военное время музыка в бараке, конечно же, иногда звучала. Но было это вечерами, после изнурительной тяжкой работы. Порой по праздникам и в редкие выходные. Но чтобы вот так, нежданно-негаданно, с самого утречка...

— Опять сосед нажрался спозаранку. Где этот гад только водку берет? — недовольно буркнул спросонья Назар Степанович и несколько раз ударил по дощатой перегородке кулаком.

В ответ на раздраженный стук сосед еще сильнее растянул меха инструмента:

Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
сказал кочегар кочегару, —
огни в моих топках совсем не горят,
в котлах не сдержать мне уж пару...

Недовольно кряхтя, — а кому понравится, когда тебя будят ни свет ни заря, — Назар Степанович поднялся с постели, сунул босые стопы в калоши и, как был в трусах и майке, вышел из комнаты в барачный коридор, заставленный утварью. Его худые ноги мелко подрагивали.

— Ты куда, деда? — услышал он за спиной голос внучки.

Оборачиваться старик не стал:

— Спи давай! Я мигом.

Сделав несколько шагов, Назар Степанович ткнул ладонью соседскую дверь, и та легко открылась.

— Васька, ты что там, очумел, что ли, совсем? Время-то всего четверть пятого! Люди вымотались, отдохнуть хотят! — возмущенно выговорил Назар Степанович и шагнул в комнату.

Сосед Васька Гудков, годов тридцати, в затертом тельнике и форменной рубахе с медалью Ушакова на груди, сидел на кровати, держа на коленях баян, и что есть мочи пел:

На палубу вышел, сознанья уж нет,
в глазах его все помутилось,
увидел на миг ослепительный свет,
упал — сердце больше не билось...

Посередь выпуклого лба и на шее просвечивали вздувшиеся синие вены. Ног ниже колен не было...

— Ну ты чего, Василий, — уже мягче произнес Назар Степанович. — Спят же еще все.

— А нехрен спать, — скороговоркой буркнул Василий Гудков. — Потому как победа, старик!

После этих слов безногий матрос снова растянул меха баяна и запел, напрягая взбухшие на шее жилы:

К ногам привязали ему колосник
и койкою труп обернули,
пришел корабельный священник-старик,
и слезы у многих блеснули...

— Ты почем знаешь? — едва не задохнулся Назар Степанович от услышанного. Победа была давно ожидаема, советские войска успешно били немцев под Берлином, но все равно известие для старика было сродни удару обухом по голове. Вроде жив и даже здоров, а в башке вдруг началась круговерть, какая-то сумятица и полная неразбериха. Старенькие ножонки подкашивались: ступишь пару шагов, да и рухнешь наземь.

— Да все говорят, — уверенно глянул на старика безногий матрос, и глаза его блеснули. — Будешь, старик? — указал он на чекушку с водкой.

Не дожидаясь согласия соседа, Василий одним движением сдернул сургучную пробку с «белоголовки» и налил Назару Степановичу половину граненого стакана.

— Ну, давай, сосед, за победу!

Не дожидаясь, пока сосед освободит стакан, Василий Гудков выпил остатки водки из горла. Затем шумно вздохнул и затянул:

Напрасно старушка ждет сына домой,
ей скажут — она зарыдает.
А волны бегут от винта за кормой,
и след их вдали пропадает.

А барак уже загудел растревоженным ульем. Беспрестанно справа и слева хлопали входные двери — люди выходили на улицу, обнимались, пели песни, многие плакали. Затем потянулись в парк, заложенный в поселке имени Серго Орджоникидзе — микрорайоне в северной части города Средневолжска — еще до войны.

Отправились в парк и Назар Степанович с внучкой Оленькой, благо, что идти было недалеко — только перейти улицу Сталинградскую и пройти через высокие кирпичные трехарочные парковые ворота, металлические створки которых, закрываемые на ночь, были уже настежь открыты. Затем по неширокой аллее из тоненьких липок и кустов акации дед с внучкой пошли по направлению к стадиону.

Метрах в двадцати от входа на стадион на высоком столбе висело два четырехугольных репродуктора, направленных в разные стороны. Возле них люди останавливались и задирали вверх головы в надежде

услышать подтверждение долгожданного известия. Но до шести часов репродуктор молчал. Ровно в шесть утра раздался гимн Советского Союза, а затем голос Левитана произнес ожидаемую уже десятками людей весть:

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена!

Грянул бессмертный марш «Прощание славянки», и люди у репродукторов недружно закричали: «Ура-а!» Мужских голосов прозвучало мало, разве что старческие и мальчишеские. Прокричал «Ура!» и Назар Степанович, и по его худым щекам потекли крупные слезы.

Затем из репродукторов уже местный диктор объявил, что среда девятого мая одна тысяча девятьсот сорок пятого года в честь Великой Победы объявляется нерабочим днем.

А люди все прибывали и прибывали. Из поселков Караваево и Северный пришли бабы, старики, дети и работники авиационного завода номер двадцать два имени Горбунова и моторного завода номер шестнад-

цать. Было их более сотни. Когда взошло солнце, начали приходить жители поселка Урицкого, слободы Восстания и жители более отдаленных микрорайонов. Стадион почти полностью заполнился людьми, радостно поздравлявшими друг друга с Победой. Возникали стихийные митинги, фронтовиков качали на руках, пелись еще довоенные песни. Незнакомые друг с другом люди обнимались, смеялись и плакали. Конец войне! Все, победа!

Оленька одна из первых очутилась у лотка с мороженым и получила от продавщицы вкусный пломбир, зажатый между двумя вафельными кружочками. Но дело было даже не во вкусе. А в том, что мороженое не продавалось, а раздавалось всем желающим бесплатно. Так же бесплатно раздавалось и пиво из бочки, привезенной караковым[1] владимирским тяжеловозом[2] уже в девятом часу утра. Весело светило солнце... Сегодня оно было необычайно ярким, словно тоже радовалось наступившему празднику, усиливая его значимость и масштаб.

Почти бесшумно над парком пролетел самолет со звездами на крыльях, и на землю густо посыпались листовки с портретом Сталина в маршальском мундире и сообщениями о Победе.

---

[1] Караковый — темно-гнедой с подпалинами.

[2] Владимирский тяжеловоз — порода тяжелоупряжных лошадей, выведенная в Советском Союзе в первой половине тридцатых годов на конезаводах Владимирской области.

К обеду ликование народа достигло апогея. В разных местах парка заиграли гармошки, люди пели, пили, плясали. Немногочисленные мужчины были уже порядком нетрезвы, но снующие в толпе милиционеры никого не забирали: не тот был день, чтобы портить людям настроение, да и приказа такового не имелось. Напротив, начальство районных и городских отделений милиции приказало быть крайне лояльными к гражданам, а шибко пьяных, если таковые появятся, аккуратно сопровождать до дому, проявляя вежливость.

Невесть откуда появился духовой оркестр, который заиграл «Случайный вальс» Марка Фрадкина.

— Хоть я с вами совсем незнако-ом и далеко отсюда мой до-ом... — голосисто запела Оленька.

Ей было почти тринадцать, и она понимала, что сегодняшний день — особенный. Жаль, что до него не дожила мама. И, конечно, отец, погибший еще в сорок первом под Москвой. Когда пришла на него похоронка, мама упала в обморок. Состояние ее было столь тяжелым, что ей вызвали даже санитарную автомашину, которая отвезла ее в один из городских госпиталей. Выйдя из него через неделю, мама прожила всего-то два месяца: резко и заметно стала худеть, почти ничего не ела, целыми днями сидела, уставившись в одну точку, а потом слегла совсем и тихо умерла. Видимо, не смогла перенести потерю мужа. И Оленька стала жить с дедом, отцом отца. В произошедшей трагедии

был виноват Адольф Гитлер — немец с косой челкой и с мерзкими квадратными усиками под носом. Это он отнял у нее родителей. А еще Гитлер уничтожил миллионы других людей. Было жалко и себя: ведь у других детей хотя бы были матери, а у нее, кроме престарелого деда, более никого не оставалось... Поначалу горе было глубоким, но потом пережить произошедшее помог заботливый дед. А затем боль как-то притупилась. Ведь не только у нее одной убили папу. Отца потерял каждый второй школьник из ее класса, у некоторых также поумирали и родные: кто-то от недоедания, а кто от переутомления на работе, им на протяжении долгих месяцев удавалось поспать всего три-четыре часа в сутки. А некоторые из детей вообще лишились всех своих родных и попали в интернат, как это случилось с Борькой Кудрявцевым. Так что горе было всеобщим. А когда оно одно на всех, то личная беда не столь болезненна...

А в парк и на стадион прибыло столько народу, сколько Оленьке никогда еще не приходилось встречать в своей жизни, даже во время первомайских демонстраций, проходивших до войны. Правда, количество людей немного поубавилось, когда после обеда солнце зашло за белесые облака и налетел колючий холодный ветер. Оленьке тоже стало холодно в одном платьишке и легкой кофточке, однако уходить с праздника не хотелось. Уж целых четыре года не было так весело!

— Небось замерзла? — заботливо поинтересовался дед, который успел где-то махнуть водочки и был явно навеселе. Таким Оленька его давно не видела. — Может, домой пойдем?

— Давай еще побудем, а, деда? — Оленьке очень не хотелось, чтобы праздник завершался.

— Тогда давай сбегай домой и оденься потеплее, — наказал Назар Степанович и добавил: — И мне ватник заодно прихвати.

Девочка кивнула и со всех ног побежала домой. Навстречу ей попадались радостные люди, которые расступались, предоставляя бегущей девочке дорогу. Уже выбегая из парка, Оля краем глаза увидела Валерку Вязникова, на котором было зимнее пальто.

«Ишь ты, оделся как... Вот ему небось не холодно», — подумалось Оленьке.

Валерка был из параллельного класса и очень ей нравился. Если бы он учился в их классе, то Оленька непременно перекинулась бы с ним парой словечек по поводу такого неожиданного, но столь желанного праздника. А так она пробежала мимо него, даже не кивнув. А что, пусть здоровается первым, ведь она девочка.

Оленька, как обычно, с трудом отворила дверь барака — стальные пружины на двери были очень мощные — и вбежала в свою комнату. Поначалу она даже не заметила молодого мужчину, копошащегося

в сундуке, стоящем в дальнем углу около окна. Схватив с вешалки свое пальтишко и дедов ватник, она уже было хотела выбежать из комнаты, как вдруг ее взгляд остановился на мужике в телогрейке и шибко поношенном картузе.

— А вы... кто?

— Да я... это... — произнес мужик и неожиданно замолчал, очевидно не зная, что сказать дальше.

Взгляд Оленьки упал на большую хозяйственную сумку, стоявшую возле ног незнакомца, из которой выглядывали полы отцовского пиджака. Так это же... вор! Девочка гневно посмотрела на мужчину и открыла рот, чтобы закричать и позвать на помощь, но незнакомый мужчина в телогрейке коршуном кинулся на Оленьку и успел зажать ей ладонью рот. А затем повернул ее к себе спиной, слегка наклонил назад и точным и резким движением всадил ей в сердце нож. Через пару секунд убийца отпустил безвольное худенькое детское тельце, и Оленька рухнула на пол.

Душегубец в телогрейке постоял некоторое время в комнате, чутко прислушиваясь к радостным крикам, раздававшимся в конце барака, и вернулся к сундуку. Быстро выхватил из него темно-синий цветастый бабий платок, сунул его в хозяйственную сумку, запихнул поплотнее и поспешил к двери, перешагнув через труп девочки, как будто это было не человеческое тело, а кашица талого снега или груда побитых кирпичей. Выглянув в коридор и никого не обнаружив,

мужчина быстро покинул комнату и через несколько секунд уже выходил из барака, держа путь в сторону поселка Северный.

Когда невдалеке от него показался конный милицейский патруль, мужчина невольно замедлил шаг и хотел поначалу свернуть в сторону и затеряться в глубинах проходных дворов, но потом решил этого не делать, зашагал с прежней скоростью по намеченному пути, боевито приподняв подбородок. Один из милиционеров конного патруля внимательным взглядом смерил проходившего мимо него прохожего. Ничего подозрительного: обыкновенный мужик средних лет с большой невзрачной хозяйственной сумкой в руках. Вероятно, потопал к ближайшему базару, чтобы обменять собранное барахло и кое-какую одежонку на продукты. Время-то нынче непростое, надо как-то выживать. Таких, как он, в городе каждый второй. Все что-нибудь меняют. Вернулись к натуральному обмену, как в доисторические времена...

Милиционер потерял к прохожему интерес и отвел от мужика взгляд: патруль держал путь в парк имени Серго Орджоникидзе, там было большое скопление народа, а где много народу, там обязательно случаются различного рода правонарушения — напьются или подерутся. К тому же начальство распорядилось быть предельно вежливыми и соблюдать принципы социалистической законности. То есть служить на благо советских граждан.

Глава 2

ДВА ОГРАБЛЕНИЯ НА УЛИЦЕ БАУМАНА

Три часа утра не самое лучшее время для пробуждения, но куда деваться, если колотят в твою дверь чем ни попадя. Обычно Зинаида Степановна вставала в половине шестого, даже в шесть. А сейчас пришлось подниматься в три, искать завалявшиеся под кроватью стоптанные тапочки и, чертыхаясь про себя, идти открывать входную дверь, думая о том, кого это принесло в такую несусветную рань!

Зинаида Степановна подошла к порогу, за которым слышались громкие веселые голоса, никак не вязавшиеся ни с нынешней военной порой, ни с ранним утром.

— Кто там? — спросила она.

За дверью послышался веселый задорный смех, и голос соседки произнес:

— Вставай, Зина. Победа!

— Не может быть! — воскликнула Зинаида Степановна, хотя, конечно же, весть, что принесла соседка, была вполне ожидаемой.

— Может, Зина, может! Просыпайся наконец!

— Сейчас, сейчас, — суетливыми дрожащими руками Зинаида Степановна отомкнула самостоятельно защелкивающийся английский замок — вещь в городских домах не частая, но только не в бывшем

купеческом доме на улице Баумана, где проживали люди, имевшие в городе какое-то положение и достаток, — и широко открытыми глазами воззрилась на соседку: — Это правда?

— Да правда, правда, — заверила Зинаиду Степановну соседка. — По радио только что передали. Вот радость-то какая!

Еще через четверть часа гудел уже весь дом. Люди запросто заходили друг другу в квартиры, поздравляли с победой, плакали, смеялись.

Как только рассвело, все высыпали на улицу, где уже было полно народу. В одно из раскрытых окон недалеко от Дома печати кто-то выставил патефон и завел пластинку с джаз-оркестром Утесова. И начались танцы! Мужчин, конечно, было немного, так что женщины и девушки танцевали друг с другом.

Когда взошло солнце, из Дома печати раздалось сообщение Левитана о победе, а затем звуки патефона, крутящего одну за другой пластинки с танго и фокстротами, заглушили бравурные аккорды духового оркестра. И гулянье продолжилось. В танцах кружилась уже вся улица: танцевали старики и старушки; невообразимые па выделывали вездесущие ребятишки.

Чуть ли не касаясь крыш домов, пролетел самолет, сбросив тучу листовок с сообщениями о победе. Бумага не успевала опуститься на землю: ее на лету с радостными криками расхватывали высыпавшие на

улицу люди и зачитывали друг другу сообщение, хотя помнили его чуть ли не наизусть.

Ближе к обеду зазвучал цирковой марш. Взоры собравшихся устремились к началу улицы, где появились цирковые артисты в ярких нарядах. Вначале, разрезая толпу пополам, браво вышагивали жонглеры с булавами и кольцами. Пара гимнастов в обтягивающем трико почти беспрерывно и неустанно исполняла сальто вперед. Здоровенный мужик в полосатом трико и с усами, закрученными кольцами, ехал на открытой повозке, которую тянула холеная лошадь. Мужик высоко подбрасывал и ловил гири, будто это были не пудовики, а надувные мячи с ручками. А за повозкой величаво вышагивала гора, слегка покачиваясь, будто бы на волнах. Когда гора приблизилась, то оказалось, что это был огромный белый слон, на спине которого восседал мужчина в наряде клоуна с большим воротником-жабо и приветливо кланялся направо и налево. Это был заслуженный артист РСФСР Юрий Владимирович Дуров, цирковой артист, клоун, продолжатель династии цирковых дрессировщиков Дуровых. Его труппа, выступающая со зверями, давала с конца апреля представления в средневолжском здании деревянного цирка на Банном озере, и многие горожане уже успели посмотреть эти представления.

В этот день бесплатно работали оба кинотеатра на Баумана, центральной улице города, — «Электра» и «Родина». Показывали «Боевой киносборник № 12»

и «Чкалов». А один из кондитерских магазинов недалеко от здания Госбанка, закрытый все четыре военных года, вдруг неожиданно распахнул тяжелые дубовые двери и стал торговать не какими-то там карамелями, а самыми настоящими шоколадными конфетами!

Под вечер солнце скрылось за тучами и как-то сразу заметно похолодало; дунул северный ветер, тотчас застудив собравшихся. Зинаида Степановна и ее соседка вернулись домой, чтобы надеть что-нибудь теплое. Недолго думая, соседка взяла с вешалки зимнее каракулевое пальто, купленное еще до войны, а Зинаида Степановна прошла в комнату к комоду, где висела теплая вязаная кофточка, и тут увидела, что ящики комода открыты и почти опустошены.

— Да что же это такое! — невольно ахнула женщина.

С замиранием сердца Зинаида Степановна бросилась к полуоткрытому верхнему ящику комода, в котором лежала деревянная шкатулка.

— Уф-ф, — выдохнула она, увидев, что шкатулка находится на месте. Но когда она открыла резную крышку, то едва устояла на ногах: шкатулка была пуста. В ней лежали золотые сережки, подарок матери, которые Зинаида Степановна сберегла даже в голодный сорок четвертый год, не поменяв их на картошку и хлеб, а еще деньги — семьсот восемьдесят рублей. Но главное — были украдены ежедневные хлебные

карточки и месячные карточки на крупы, рыбу, макароны, сахар и прочие продукты. Хотя сережки тоже было очень жалко — едва ли не единственное, что осталось у нее от матери. Все было ясно: кто-то в отсутствие Зинаиды Степановны вскрыл ее квартиру, забрал приглянувшиеся вещи и опустошил шкатулку с самым дорогим, что имелось в квартире. Все прочее, что могло представлять интерес для вора, давно было обменяно на продукты, благополучно съеденные. И этот вор ни черта не разбирался в антиквариате, поскольку шкатулка в форме сундучка в верхнем ящике комода Зинаиды Степановны являлась вещицей отнюдь не простой. Шкатулка из дерева с декорированием бронзовыми накладками по углам и на крышке была изготовлена еще в начале девятнадцатого века. Причем шкатулка была английского производства и стоила, надо полагать, довольно приличные деньги. Но этого похититель (или похитители) не ведал.

Праздник был испорчен, нечего было думать о том, чтобы возвратиться в парк, где продолжалось народное гулянье. Похоже, что горожане будут праздновать всю ночь. По настоянию участливой соседки Зинаида Степановна немедленно заявила в милицию о пропаже продуктовых карточек, денег и золотых сережек. Немного подумав, поделилась своими сомнениями о том, что квартирные воры вряд ли разбирались в антикварных вещах, иначе в первую очередь они забрали бы редкую шкатулку.